

И ТАНЕЦ ЛИСТЬЕВ НА ВЕТРУ

ОБ АННЕ ЛЫСЮК

«Арбатского ромansa знакомое шитьё»... И в этом коконе домов, естественных как природа, жила Аня. Второй этаж: высокий - не дотянешься, запыхаешься. Коммуналка. И три семьи за одной, тяжёлой дверью. Семья Ани - поэта, автора песен, красавицы, знающей себе. Семья Лины - простая, рабочая. Да дед с бабкой.

В самом начале, за дверью, громадная прихожая. Верёвки: с них гроздьями свисало бельё обитателей старой и всегда новой, как сама Любовь, квартиры. А под верёвками, у добротного окна, стоял стол. За ним сидела Аня и писала стихи: настоящие, арбатские. И первой слушательницей всегда была соседка Лина. И была ночь...

Подайте голос! Кто-нибудь!

В глухую полночь...

*Откликнитесь! Хоть камнем
в грудь,*

И Бог вам в помощь...

Я знаю, кто-то за стеной

Не спит и слышит,

Что твердокаменной струной

Мне саван вышит...

*Что - на безмолвия -
лице*

Лежит усталость.

Что - диким зверем - в

пальтеце -

Болезнь и старость...

Так неужели же молчать?

Тогда, как - рядом,

Лишь стоит только -

постучать!-

И... приснуть ядом...

Иль две руки, как два ножа,

Подаст мне кто-то

И опадёт на них душа,

Как позолота...

Подайте ж голос, кто-нибудь

В глухую полночь...

Откликнитесь!

Хоть камнем в грудь.

И Бог вам в помощь...

Аня всегда жгла свечу. Непременно!

Что-то писала до рассвета и пела под гитару.

Я так стремилась в Хлебный переулок! «Как летом ночью

мошкара летит на пламя...» Там было уютно, тепло и загадочно.

Готовила Аня тоже тепло и вкусно. На кухне, ещё более громадной, чем прихожая. С Линой, да с дедкой и бабкой. И не хотелось уходить.

Познакомились мы давно. На одном из фестивалей клуба авторской песни, где она стала лауреатом. Потом были другие фестивали и другие победы. С гитарой, на сцене, её замечали сразу: обаятельную, новую, с тихим голосом, проникающим в душу.

Аню заметил московский бард Юрий Лорес, и она закончила его студию в ГИТИСе.

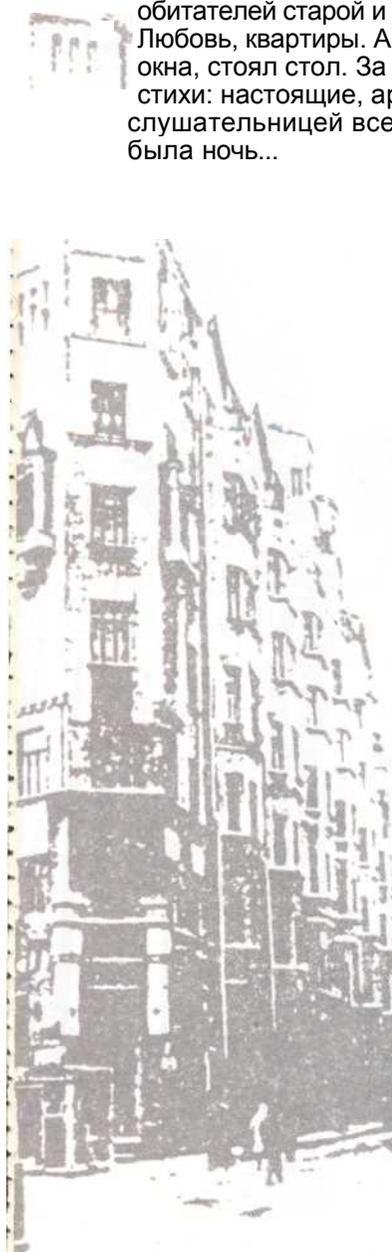
В 1994 году вышла ее первая книга стихов под названием «Бестия». Книга очень быстро разошлась... Есть такая книга и у меня - с призывом (Аниной рукой): «Заходи почаще!»

Я любила приглашать Аню в свою радиопередачу «Маленький домашний дух». Любила оформлять разные передачи её песнями. Всегда находилась одна-другая к месту и ко времени.

Потом мы не виделись несколько лет. Но не пропали, не исчезли в небытие. Помнили друг о друге. И самым страшным для меня было то, что коммуналку выселяют с Арбата. Неужели потухнет свеча, казавшаяся вечной? Неужели на стихах Аня поставит точку: страшную, чёрную, непреодолимую? Ведь Анна Лысюк и новостройка - это звучит дико и губительно. Анна Лысюк - и окна-клетки одинаковых серых домов... И стихи, о которых придётся забыть?..

*Я к тебе - гонцом с печальной вестью,
-Переулок наш пошёл на слом... И стоит в
растерянности дом Тот, с которым начинали
вместе... И грызёт осенняя тоска Тополя
коленипреклонённые, И смеются весело
влюблённые, Те, которые - издалека...*

*В переулке - пасмурно и
пусто, Переулками опять
бредём... Продащица киснет под
дождём,*

*Как белокочанная капуста;
Понимая вряд ли - что к чему
Под такой оаромной серой тучей,
Что в своей суровости дремучей
В наши окна - запустила
тьму...*

*Но дожди иссякнут на закате И
повалит снег из темноты;
Заметёт на каменном Арбате
Фонари, как ложные грибы..
Полетят, как прежде, належке,
Проходными тёмными дворами
Сквозняки московские - за нами,
Обжигая замки на песке...*

Суэта, квартирные дела, моё долгое пребывание за границей -и мы разошлись. На несколько лет. Но в моём шкафу стояла книга. И это «заходи почаще...» осталось в сознании многоточием, предзнаменующим продолжение.

Аня позвонила. Сообщила, что живёт в Измайлово. (В сером доме?). Сказала:

- Стихов не пишу,- но не потому что оставила «арбатский романс» - хочу нащупать двадцать первый век.

Новая мысль. Новая Аня. Но я не удивилась. В общем, всё это в её духе. Значит, идёт поиск! Значит, не поставлена жирная точка. Значит, поэт жив!

«Серая многоэтажка» оказалась уютным кирпичным маленьким домом, выстроенным ещё пленными немцами. Добротно, на совесть. Аня не изменилась. Такая же молодая, кокетливая, притягательная. И готовит вкусно.

- А как же Арбат? Не жалеешь? Там ведь остался тот дух, в котором ты творила!

- ...

-А в двадцать первый век удалось заглянуть?

-Ты знаешь, по-моему, удалось. Во всяком случае, писать стала иначе.

*Ты хочешь знать о чём
- молчу? Молчанье-эхо...
Оно - подобие лучу,-Стена -
помеха.*

*Оно - досада по утру И
страх - под вечер, И
танец листьев на ветру, И
чь-то плечи...*

*Оно - с годами - немоты
Больней и горше. В нём - всё, о
чём подумал ты И... много
больше...*

И петь тоже стала иначе.

Но осталась той же. Потому что есть свеча, вечная, нетленная.

Аня повзрослела: в видении мира, Вечности, себя. Аня выросла. Аня ещё так молода! И всё у неё впереди. И мы вот-вот поднимем бокалы: «С Новым годом! С Новым веком!»

Кто прославит этот век?...

Аня уехала с Арбата... и пишет, и продвигается вперёд. Значит, дело не совсем в Арбате. Дело в нас самих. Дело в Ане.

- Как ты теперь живёшь?
- Заново открываю для себя Бродского, Пастернака, Заболоцкого. В прошлом году приняли в Союз писателей. За № 90000... (Смеется).

- Ты споёшь свои старые песни? Я их очень люблю.

- Нет. Старые песни - это трупики, которые уже не реанимируются.

- Чем ты ещё занимаешься? Опять где-нибудь учишься?

- Поступила в МГПИ. Бесплатно. Прошла экзамен по английскому языку. Через два года получу ещё один диплом. Какие долгие эти летние ночи... неожиданно шикнула Аня. - А давайте дурака валять: зажжём свечи при свете!

Так и сидели при зажженной люстре и старых, добрых свечах. Пили хорошее вино. Пели. Читали стихи.

В конце любого вечера обычно поют песни «для всех». Кто-то затянул: «Ты скажи, чё те надо?»

- Мы катимся к пошлости,- вздохнула Аня, - к пошлости, которую ничем не прикроешь.

Аня была, есть и, надеюсь, будет выше любой пошлости, скуки и дешёвых земных соблазнов. Она осталась там - на старом Арбате, в Хлебном переулке, у самого памятника Гоголю. И за её милым кокетством кроется бездонная душа серьёзного поэта. Поэта не совсем земного. Её стихи адресованы то ли ей самой, то ливсем нам, то ли непостижимой Вечности...

